

— Ты... как здесь оказался? — нерешительно спросил Мао Сяочуань, во все глаза глядя на него.

Юань Синь промолчал и остался стоять на месте. Короткие волосы потемнели от дождя, но упрямо топорщились. Он спокойно смотрел на одноклассника, и в его темном, как ночь, взгляде отражался лишь этот хрупкий, промокший силуэт.

Оба молчали. Сяочуань просто не находил слов, а Юань Синь не видел в них нужды. Тусклый желтый свет уличного фонаря пробивался сквозь сетку мелкого дождя, омывая их лица и мало-помалу умирняя недавнюю бурю в душе.

В конце концов гнетущая тишина стала невыносимой. Сяочуань сдался первым. Сделав шаг навстречу, он украдкой посмотрел на одноклассника и, набравшись смелости, спросил:

— Слышишь... Тебя разве не посадили под домашний арест?

— Почему ты мне не позвонил? — вместо ответа вопросом на вопрос ответил Юань Синь.

Сяочуань растерянно моргнул, торопливо скинул с плеча рюкзак и принялся копаться внутри. Нашупав злополучный мобильник, он вытащил его и протянул Юань Синю:

— Вот, кстати. Забери. Ты же его утром забыл.

Взгляд Юань Синя стал еще холоднее. На телефон он даже не взглянул.

— И это все? Твое оправдание?

— Да при чем тут оправдание? — Сяочуань покачал головой. — Мобильник изначально не мой, я просто хотел вернуть его тебе. И вообще...

— Что «вообще»?

— Зачем ты утром устроил драку? — Сяочуань прикусил губу. Несмотря на робость, он упрямо вскинул подбородок. — Зачем ты избил Толстяка? Чем он перед тобой провинился?

Юань Синь промолчал.

Стоило вспомнить утреннюю сцену, как к горлу Сяочуаня подкатила обида. Он и сам не понимал, что с ним творится в последнее время — стал жутко мнительным и плаксивым, как девчонка.

— Даже если он в чем-то виноват, нельзя же было калечить человека! Да, в нем весу много, но он точно слабее тебя. И ниже. И мышц у него меньше. У него нет таких богатых родителей, да и лицом он не вышел... А если бы ты его инвалидом сделал? Как бы он потом на жизнь зарабатывал, как женился, детей растил? Мы же одноклассники все-таки... Он у родителей единственный сын, они на него надеются, продолжение рода ждут!

Юань Синь слушал этот поток сознания с каменным лицом.

Сяочуань тархтел без умолку, вываливая на собеседника кучу вещей, о которых в обычное время даже не задумался бы. Когда они дурачились с Лю Да, такие высокие материи им и в голову не приходили.

Но кто знает, не проецировал ли он сейчас на друга собственные страхи? Обычно беспечный Сяочуань не любил заглядывать далеко в будущее, начиная думать о жизни лишь тогда, когда перед глазами маячил наглядный, пугающий пример.

Загибая пальцы, он пробубнил под нос целую лекцию, но так и не дождался ответа. Пришлось поднять голову и уставиться на молчаливого Юань Синя в упор:

— Ну? Чего ты молчишь?

Юань Синь странно посмотрел. Он не выглядел рассерженным или уставшим от чужой болтовни. В глубине его темных глаз промелькнуло нечто неуловимое, и он наконец заговорил:

— Выговорился?

— Нет... еще не совсем, — буркнул Сяочуань, заметно сдуваясь. — Я знаю, ты у нас гений и, наверное, презираешь весь класс. Но распускать руки права не имеешь! Нападать на тех, кто заведомо слабее, вроде Толстяка — это вообще последнее дело, дно полное. И пускай я посильнее него буду, меня бить тоже нельзя... Эй, ты чего творишь?!

Юань Синь молча шагнул вперед, мгновенно сокращая дистанцию своими длинными ногами. Перепуганный Сяочуань попятился, оступился на краю бордюра и, потеряв равновесие, завалился назад. Он уже мысленно приготовился к жесткому приземлению на асфальт, но Юань Синь среагировал молниеносно: перехватил его за талию и рванул на себя, намертво прижав к своей груди.

Сяочуань, так и не осознав опасности, отчаянно забил ногами и заколотил ладонями по чужим плечам, пытаясь вырваться из этого захвата.

— В школе теперь бог весть что думают о нас с тобой! — шумно дыша, возмутился он. — Я пытаюсь объяснить, что мы ни при чем, да только никто и слушать не хочет!

— О нас с тобой... — спокойно повторил Юань Синь, словно примеряя эти слова на вкус. Свободной рукой он легонько, собственническим жестом потеревил ухо Сяочуаня.

— Слышишь, даже не думай! — Сяочуань извернулся и гневно уставился на него снизу вверх. — Я тебе не шестерка какая-нибудь. И Толстяку не шестерка. Я вообще сам по себе! Если вы решили мериться силой, меня в свои разборки не втягивайте! Нашли тоже мне козла отпущения.

— Тогда кто мы друг другу? — с нажимом, очень серьезно спросил Юань Синь.

Отпускать Сяочуаня он и не думал — держал крепко, не обращая внимания на то, что тот бьется в его руках как пойманный карась.

Парень еще немного подергался, воровато огляделся по сторонам и, убедившись, что на улице ни души, умерил пыл. Храбрости поубавилось, но он упрямо вздернул подбородок и пробормотал:

— Ладно тебе. Я... я обещаю, что больше никогда ничего у тебя не украду. Можешь быть спокоен.

Юань Синь промолчал, внимательно вглядываясь в его лицо.

Сяочуань наконец сумел высвободить одну руку и неловко взъерошил свои влажные от дождя кудряшки. Помолчав секунду, он тихо добавил:

— И вообще воровать завяжу. Ни у кого больше ничего не возьму. Честно.

— Вот как. Но что мне делать, если я привык верить только делам, а не словам? — Юань Синь наконец разжал объятия и отступил на полшага.

Сяочуань захлопал ресницами, озадаченно соображая, и недоверчиво уставился на одноклассника:

— Ты... ты реально хочешь, чтобы я стал твоей шестеркой?

Тот уклонился от прямого ответа, лишь многозначительно промолчал.

На душе у Сяочуаня заскребли кошки. Вообще-то в школьном прислуживании не было ничего смертельного, но сам он никогда в услужении не бывал. Терпеть не мог пацанские шайки, никогда не заискивал перед школьными «авторитетами». С Лю Да и старостой Ли Сяовэем они могли сколько угодно дурачиться и крыть друг друга матом, но всегда оставались на равных.

Но стоило вспомнить о главном, как сердце ухнуло куда-то в пятки. Юань Синь знал его тайну. Поймал с поличным. И это клеймо теперь не смыть до конца дней.

— Ладно! — Сяочуань взвесил все за и против и удрученно кивнул. — Но уговор в силе. Ты держишь язык за зубами и никому ничего не рассказываешь. А если нарушишь слово, то... то ты...

— То что? — Юань Синь посмотрел в его глаза.

— То потеряешь то, что любишь больше всего на свете! — выпалил Сяочуань и тут же устыдился детской глупости своей угрозы. Слишком уж наивно и по-ребячески это прозвучало. Но, вспомнив, в какой глубокой яме он сам оказался, решил, что сойдет и так.

Юань Синь не спешил с ответом. Он слегка прищурился, взвешивая условия сделки. За свои неполные восемнадцать лет он никогда не бросал слов на ветер и никому ничего не обещал. Дело было не только в личных принципах: мысль о том, что из-за чужого секрета он может лишиться самого дорогого... заставила его задуматься всерьез.

Секунд через тридцать Юань Синь наконец коротко кивнул:

— Идет.

Сяочуань шумно выдохнул. Пока одноклассник размышлял, у него едва инфаркт не случился: он жутко боялся, что перегнул палку с условиями или что тот попросту пошлет его куда подальше. К счастью, обошлось.

В ту минуту Сяочуань даже представить не мог, какими последствиями обернется эта нелепая клятва. Да и куда ему было планировать — максимум на год вперед, пока длится выпускной класс. Сдать экзамены, а там разлетимся кто куда. Как любил повторять их классный руководитель Лао У: одни поступят в элитные вузы из «Проекта 985», другие четыре года отмучаются в заштатных институтах третьей гильдии, третьи уйдут в ПТУ, а кто-то и вовсе закончит карьеру на стройке с лопатой в руках.

Жизнь безжалостно разделит их на касты. Сяочуань не знал, ждет ли его самого хоть какое-то приличное будущее, но в отношении Юань Синя не сомневался ни секунды: у того все будет по высшему разряду. Они изначально играли в разных лигах. На экзаменах Сяочуаню с ним и близко не сравниться. Юань Синь уедет покорять столичные университеты первого эшелона, а он сам в лучшем случае зацепится за какой-нибудь захудалый местный вуз. Пути их разойдутся навсегда.

Так что потерпеть один год, побыть послушным «младшим братом» и не высовываться... не такая уж высокая цена за спокойствие.

Увлечшись мыслями о будущем, Сяочуань совершенно потерял бдительность. Очнулся он только тогда, когда обнаружил себя сидящим на пассажирском сиденье роскошного автомобиля Юань Синя. Он потянулся через него, вытягивая ремень безопасности.

Вздрагнув от неожиданности, Сяочуань испуганно дернулся назад:

— Эй, я сам! Сам пристегнись!

Юань Синь лишь мельком взглянул на него, вернулся в водительское кресло и молча завел двигатель.

— Погоди, а мы вообще куда едем? — спохватился Сяочуань, поворачиваясь к водителю.

— Я голоден, — не отрывая взгляда от дороги, бросил Юань Синь.

— А, ладно, — Сяочуань спорить не стал. Намек он понял сразу. Собственное мнение сейчас все равно ничего не решало, да и в животе у него самого уже призывно урчало.

Автомобиль бесшумно выкатился из темного тихого переулочка и на перекрестке повернул в сторону оживленного торгового квартала. Сквозь мокрые стекла в салон ворвался kaleidoscope неоновых огней, расцветившая лицо Сяочуаня то в тревожно-красный, то в ядовито-зеленый.

В едва приоткрытое окно залетали мелкие прохладные капли, оседая на его лбу и путаясь в кудрявой шевелюре. Парень лениво провел ладонью по лицу, стирая влагу.

— Ты хоть знаешь... — внезапно нарушил тишину ровный, прохладный голос Юань Синя.

— А? Что? — Сяочуань от неожиданности вздрогнул, выныривая из своих мыслей.

— ...что входит в обязанности «младшего»? — Юань Синь снял одну руку с руля и нажал кнопку на панели. Стекло с тихим шуршанием поднялось до упора, отсекая шум улицы.

Сяочуань завис, приоткрыв рот. Он лихорадочно принялся копаться в памяти. Вообще-то вся эта иерархия с «боссами» и их «шестерками» тянулась еще с начальной школы.

Ему вспомнился третий класс. Как-то на перемене он достал из портфеля пачку чипсов. Его тогдашний сосед по парте, Чжу Давэй, уставился на лакомство голодными глазами, шумно сглотнул и предложил: «Слышь, Сяочуань, отсыпь половину, а я за это буду твоим оруженосцем, идет?»

Тогда Мао Сяочуань впервые столкнулся с понятием вассалитета, но сам никогда никем не

командовал и преклонять колени перед другими не собирался. Чжу Давэю он тогда коротко бросил: «Еще чего!»

Поразмыслив еще немного, Сяочуань выдал:

— Ну... бегать старшему за едой. Делать за него домашку, таскать любовные записки девчонкам, стирать вонючие носки, впрягаться за него в драках...

Перечисляя эти жуткие перспективы, он чувствовал, как внутри все протестует. Быть на побегушках — худшее унижение, на которое он в здравом уме никогда бы не пошел. Но сегодня выбирать не приходилось.

Мысленно зажмурившись, Сяочуань стиснул зубы и, глядя на Юань Синя, как в омут с головой, отчеканил:

— В общем, я буду тебя слушаться. Что скажешь, то и сделаю.

Едва договорив, он почувствовал непреодолимое желание заехать самому себе по физиономии за такое малодушие. Чтобы хоть как-то спасти остатки достоинства, он поспешно добавил:

— Но твое обещание тоже в силе! Никакого криминала и нарушения школьных правил, помнишь?

Юань Синь вел машину с прежним невозмутимым видом, будто пропустил все мимо ушей. Но Сяочуань был уверен: тот все прекрасно слышал, просто выдерживал паузу, проверяя его на вшивость.

За окном припустил настоящий ливень. Порывы ветра швыряли пригоршни тяжелых капель в стекло, и они с глухим стуком разлетались по лобовому.

Спустя долгую минуту сквозь этот дорожный шум донесся лаконичный ответ Юань Синя:

— Договорились.

Сяочуань едва не взвыл в голос. Какого черта? Почему его не покидает стойкое ощущение, что он только что собственноручно вырыл себе могилу, лег в нее и заботливо присыпал сверху землей? И ведь никто его за язык не тянул...